

ВЕРОНИКА
ДОБРОВОЛЬСКАЯ

Семейные тайны. Книга 18.
Шёпот Полярной звезды.

Вероника Добровольская

Семейные тайны. 18 книга.

Шёпот Полярной звезды

<https://litres.ru/73969504>

SelfPub; 2026

Аннотация

Полярная звезда, казавшаяся обычной в ночном небе, на самом деле оказывается связующим звеном для семьи, носительницей их тайн, предательств и бесконечной любви.

Андрей и Даруня — их чувства под запретом, но страсть к друг другу преодолевает все преграды. Однако встреча, полная неожиданностей, и предательство меняют ход их судеб, запуская непрекращающийся маховик судьбы. Полярная звезда становится не просто символом их любви, но и опознавательным знаком, родимым пятном, объединяющим семью. Два разных человека рассказывают историю семьи, и у каждого своя правда. История страны, история мира, история людей.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Семейные тайны. 18 книга.

Шёпот Полярной звезды

Глава

Япония

Август 1945 года

Август в Японии дышал знойным, влажным воздухом. Солнце, казалось, нещадно палило с безоблачного неба, пробиваясь сквозь густую листву вечнозеленых деревьев. Воздух был напоен ароматами цветущих растений, смешанными с солоноватым запахом моря, которое виднелось вдалеке, мерцая под лучами солнца. Горы, покрытые изумрудной зеленью, величественно возвышались на горизонте, их вершины терялись в легкой дымке.

Евгений Доронцев устало привалился к стволу могучего дерева. Его гимнастерка, пропитанная потом и пылью, липла к телу. Под ней, как напоминание о недавних событиях, ощущалась грубая ткань тельняшки. Несколько часов назад здесь гремел бой, и теперь тишина, нарушаемая лишь стрекотом цикад и далеким шумом прибоя, казалась оглушительной.

Перед ним, в несколько рядов, сидели пленные японцы. Их одежда, по большей части, была из грубой, серой тка-

ни, местами порванная и грязная. Некоторые были в кимоно, другие – в потрепанной военной форме, которая уже не могла скрыть их изможденный вид. Их лица были бледны, глаза потухшие.

Евгений, молча, смотрел на них, пытаясь осмыслить произошедшее. Вдруг его взгляд зацепился за одного из пленных, сидевшего в первом ряду. Порванный рукав его одежды открыл руку, и Евгений замер. На коже японца было родимое пятно, и он был абсолютно уверен: по краям его располагались семь родинок, образующих знакомый узор Большой Медведицы.

Сердце Евгения забилось быстрее. Это было слишком невероятно, чтобы быть совпадением. Он оттолкнулся от дерева, его движения были резкими, словно пробудившись от долгого сна. Несколько шагов – и он оказался возле японца.

Офицер, к которому подошел Евгений, поднял голову. Его глаза, темные и глубокие, встретились с взглядом русского. В них не было враждебности. Евгений, не говоря ни слова, протянул руку и осторожно коснулся руки японца, разглядывая родимое пятно и родинки.

Японец не отстранился. Он лишь смотрел на Евгения, словно пытаясь понять, что происходит. В этот момент, под палящим августовским солнцем, среди ароматов цветущей Японии и шума далекого моря, два человека, враги ещё несколько часов назад, оказались связаны невидимой нитью судьбы, отмеченной на коже, как древний знак.

- Зам Одод! - Прошептал Евгений, но японец услышал.
- Доронцев!

Слова, вырвавшиеся из груди Евгения, прозвучали как удар набата. Глаза японца расширились, в них мелькнула искра узнавания, прежде чем снова смениться равнодушием. Он перевел взгляд на свою руку, затем снова на русского солдата, словно пытаясь уложить в голове невероятное. -Доронцев, – повторил он, на этот раз чуть тверже, но всё ещё тихо, словно боясь спугнуть чудо.

Их взгляды снова встретились. В этих глазах, казалось, отразилась вся боль прошедшей войны, вся горечь поражения и невысказанные слова. Евгений чувствовал, как время застыло, а окружающий мир – знойный воздух, благоухание цветов, прибой – отошли на второй план, сделавшись лишь декорацией для этой невероятной встречи.

-Как, как ты здесь оказался? – Спросил Евгений, его голос дрогнул. Он знал, что задает глупый вопрос, но эмоции переполняли его. Война, которая казалась бесконечной, внезапно сжалась до этого момента, до этого родимого пятна, до звука двух имен, произнесенных врагами.

Японец слабо улыбнулся, и в этой улыбке было больше грусти, чем радости. -Судьба, наверное, – ответил он на ломаном русском. – Как и оно на моей руке.- Он снова посмотрел на родимое пятно, словно проверяя, не исчезло ли оно.

Евгений медленно кивнул. Судьба. Это слово казалось единственно верным в этот абсурдный момент. Он, русский

солдат, стоял перед своим бывшим противником, и их связывало нечто, существовавшее задолго до войны, нечто, что теперь, под палящим солнцем Японии, обрело смысл.

Июнь 1662 года.

Сибирь. Берег Байкала.

Солнце, казалось, забыло о своем существовании, уступив место нагнетающим тучам. Огромные, черные, они неслись по небу, словно гигантские хищники, преследующие свою добычу. Ветер, словно вторя небесной драме, вздыбил волны Байкала. Они были черны и грозны, разбиваясь о берег с такой силой, что даже с большого расстояния капли долетали до казака, Андрея. Он сидел на своем верном коне, пытаясь удержать его, когда камни с горы полетели вниз. Лошадь, испуганная внезапным грохотом и падающими обломками, бросилась в сторону. Андрей, крепко сжав поводья, сумел удержаться в седле. Но тут, из-под ног коня выскочил суслик. Зверек стал последней каплей. Испуганный конь вздыбился и понесся в сторону тайги, прочь от берега, прочь от бушующего Байкала.

Андрей, сжав зубы, боролся с перепуганным животным. Ветер трепал его волосы, брызги Байкала оседали на нём, но он не сдавался. На самом краю тайги, где деревья начинали плотной стеной закрывать небо, ему, наконец, удалось остановить обезумевшего коня.

-Тьфу, пропасть! – Сплюнул Андрей, чувствуя, как адре-

налин медленно отступает. Он похлопал успокоившегося коня по шее, ощущая его дрожь. Оглядевшись, он попытался понять, где находится.

Они с несколькими казаками уже несколько дней шли вдоль берега Байкала, исследуя эти дикие земли. Сегодня они решили повернуть назад, к своим. Но Андрей, решил проехать ещё немного, прежде чем вернуться. Он хотел увидеть, что скрывается за следующим поворотом, за следующей грядой.

И вот, проезжая под нависшими камнями, он попал в эту переделку. Камни, словно живые, обрушились вниз, напугав лошадь до полусмерти. Андрей понял, что его любопытство чуть не стоило ему жизни. Он глубоко вздохнул, чувствуя, как сердце всё ещё колотится в груди. Теперь, когда опасность миновала, он мог спокойно подумать. Ему предстояло найти своих товарищей. И, возможно, в следующий раз он будет осторожнее. Последний луч солнца вырвался из-за туч и пронёсся по Андрею и его коню. Высокий кареглазый парень с копной черных волос, небольшой бородкой, в длинном коричневом кафтане – бекеше. На бекеше, были нашиты кожаные застёжки. На голове у Андрея была шапка-ушанка, сшитая из овчины. В такую погоду, с ветром и брызгами, она была незаменима. Уши шапки были отвернуты вверх и привязаны, но в случае непогоды их можно было опустить, чтобы защитить уши и шею от ветра. На поясе у Андрея висел кинжал в кожаных ножнах, а также небольшой кошель для

мелочей. Через плечо была перекинута перевязь, на которой, висели пороховница и сумка для пуль. Его штаны, были сшиты из плотной шерстяной ткани, серого цвета. Они были достаточно широкими, чтобы не стеснять движений, и заправлялись в сапоги. Его верный дончак конь Рыжка, был настоящим товарищем в дальних походах. Он был золотисто-рыжий с более темными, почти черными гривой, хвостом и ногами. Грива и хвост Рыжки были густыми и длинными, цвета темного шоколада, контрастируя с его светлой шерстью. Ноги его были стройными, но сильными, с крепкими копытами, способными выдержать долгие переходы по каменистой земле. На спине у него была легкая, но прочная казачья сбруя, состоящая из кожаного седла, надежно закрепленного на спине, и уздечки с удилами. Сейчас Рыжка стоял, тяжело дыша, его бока вздымались от пережитого стресса. Шерсть его была взъерошена ветром и брызгами, но даже в таком состоянии он выглядел благородно и мощно. Андрей, успокаивая его, чувствовал под ладонью его дрожь, но также и силу, которая помогла им обоим выбраться из опасной ситуации. Рыжка был не просто животным, он был частью казачьей жизни, верным спутником в освоении новых, диких земель. Его выносливость и преданность делали его бесценным.

Андрей, всё ещё ощущая остатки адреналина, огляделся. Тайга стояла плотной стеной, темная и загадочная. Ветер стихал, но небо оставалось хмурым, предвещая дальнейшие

испытания. Он знал, что ему нужно найти своих товарищей. Они, вероятно, уже начали беспокоиться. Он потянул поводья, и Рыжка, хоть и всё ещё взволнованный, послушно повернул в сторону, откуда они пришли. Путь назад обещал быть не менее трудным, но теперь Андрей знал, что даже самое маленькое существо может стать причиной большой беды, и что его собственное любопытство может быть опасным. Он погладил Рыжку по шее, чувствуя тепло его тела. – Ну, что, друг, пойдем искать своих, – прошептал он, и конь, словно поняв его, сделал шаг вперед.

И тут же удар грома, словно огромный барабан, взорвал всё вокруг всполохами огня. Лошадь вздыбилась, её глаза вылезли из орбит. Новый гром и молния, и Рыжка понесся в тайгу как вихрь. Андрей прижался к его шее, пытаясь остановить, но всё безрезультатно. Ветки хлестали его, и вдруг они оказались в пещере.

Конь тут же остановился, словно вкопанный, тяжело дыша и кося глазом. На его губах была пена. Новый удар молнии и грома, и пещера вдруг чуть осветилась и засверкала. Ошарашенный Андрей сполз с коня и достал огниво. Оторвав у себя лоскут, он поджег его. Слабый свет осветил пещеру.

– Золото! – Прошептал ошарашенный парень. – Золото!

Стены пещеры, казалось, были выложены самородками, отполированными временем и влагой, они мерцали тусклым, но неоспоримым блеском. Андрей не верил своим глазам. Он протянул дрожащую руку и коснулся холодной, тяжелой

поверхности. Это было настоящее золото, не мираж, не обман зрения. Сердце его забилося в бешеном ритме, заглушая раскаты грома, доносившиеся снаружи. Рыжка, всё ещё тяжело дыша, стоял неподвижно, его бока вздымались, а глаза, хоть и расширенные, уже не выражали паники, а скорее какое-то странное, почти человеческое удивление. Конь, казалось, тоже осознал необычность их находки.

Взгляд Андрея скользил по стенам, по полу, усыпанному золотыми крупичками. Он был в ловушке, но в ловушке, о которой можно только мечтать. Мысли путались. Как он объяснит это товарищам? Поверят ли они? Или решат, что он сошел с ума?

Внезапно, из глубины пещеры донесся слабый шорох. Андрей замер, прислушиваясь. Шорох повторился, более отчетливо, словно кто-то двигался в темноте. Кто или что могло обитать в этой золотой пещере? И что оно делало здесь?

Вновь раздался шорох, легкие шаги, Андрей вытащил саблю, и вдруг вновь сверкнула молния, осветив одну стену пещеры, Андрей увидел девушку – Даруня! – Прошептал он.

1667 год 20 апреля

Недалеко от станицы Кагальницкой

Весенний воздух был пропитан тревогой. Небольшое село, примостившееся у изгиба реки, оказалось в тисках огромного отряда казаков. Даже лошади, обычно чуткие к малейшему движению, стояли настороженно, не издавая ни

звука. Слухи, словно ветер, разносили имя Степана Разина, и казалось, сам атаман вот-вот должен был появиться. Но, как это часто бывает, реальность оказалась хитрее слухов. Разин, со своей сотней, покинул эти места несколькими часами ранее, оставив своих преследователей в глупом недоумении.

Внезапно, словно разорвав тишину, раздался взрыв звука, за которым последовал страшный, дикий вопль: -Ай да их ребята!- И с гиканьем, с криками, казаки хлынули в село. Из домов посыпались не только мужчины, но и женщины, дети, старики. В руках у них было не оружие, а орудия труда: топоры, ухваты. Лишь несколько мужиков держали в руках сабли, но и те выглядели скорее как символы отчаяния, чем как реальная угроза.

Андрей, оказался лицом к лицу с одним из таких "защитников". Это был мужик, ловко оруduющий саблей. Одетый лишь в штаны и шапку, он, сидя на лошади, выглядел комично, если бы не блеск стали в его руке. И орудовал он саблей очень ловко, словно всю жизнь провёл на войне. Вдруг, лошадь мужика оступилась, и он, потеряв равновесие, открылся. Андрей, не раздумывая, рубанул его. Мужик охнул, покачнулся назад, лошадь рванулась вперед, и он упал на землю. Шапка слетела, и тут, к своему изумлению, Андрей узнал Демьяна.

Много лет прошло с тех пор, как они виделись в последний раз. Но ожог на лбу, оставшийся после того, как Андрей, будучи ещё мальчишкой, чуть не опрокинул на себя чан с

кипящей водой. Демьян тогда успел оттолкнуть брата, но кипяток все же попал ему на голову, оставив на лбу шрам и навсегда лишив части волос. А порванная мочка уха – это тоже было их детская шалость, когда Андрей, решив пошутить, прыгнул брату на спину, а тот, не удержавшись, порвал ухо об гвоздь, торчавший в сарае.

Шашка выпала из рук Андрея. Он прыгнул с коня и упал рядом с братом. –Брательник, Демьян! – прохрипел он.

Веки Демьяна разлепились с невероятным трудом. Внезапное узнавание пронзило его. Перед ним был младший брат.- Меньшой... - выдохнул он, и слова, словно вырвавшись из глубины, потекли дальше. - Ты знаешь... грех за мной. Это я рясу батюшке подпалил. - он вновь погрузился в темноту, чувствуя, как кровь стекает из уголка рта. Но сознание вернулось, и взгляд его, полный отчаяния и мольбы, устремился к брату.- Прости меня, Христа ради. -Последний всплеск сил позволил ему приподняться. Он протянул руку, указывая на невидимое.- Там моя баба и сын Тимоха. Спаси их.

-Демьянушка! – Раздался крик. Андрей с трудом поднял голову. Рядом упала убитая женщина, сраженная саблей казака. А рядом – малыш, заливающийся плачем.

Побоище кончилось. Атаман был недоволен. Степан Разин опять ушел.

-Ваше превосходительство! – Скорее пьяный от боли и отчаяния, Андрей подошел к атаману.

-Говори! – Буркнул тот, вытирая саблю и пряча её в нож-

ны.

-У меня тут брат мой родной. Мне, когда маленький я был, много раз жизнь спасал. Умер он, у него сын. Я хочу увести его к родным.

-Бандитом вырастет! – Недовольно буркнул атаман. – Помни, казак, что ты берешь на себя ответственность. Если этот мальчишка пойдет по стопам своего отца, или, что хуже, по стопам Разина, то пеняй на себя.- Атаман помолчал, задумчиво глядя на Андрея. Его лицо, обычно суровое и непрístupное, смягчилось. Возможно, он увидел в глазах казака не только горечь утраты, но и искреннюю любовь к брату. – Вези.

Андрей низко поклонился – Благодарю вас, ваше превосходительство! Я не подведу!

Андрей, сжимая в руке маленькую, дрожащую ручку племянника, смотрел на село, которое еще недавно было домом его брата. Теперь оно стало местом его гибели. Но он уведёт мальчика. Он уведет его к родным.

В воздухе еще витал запах пороха и крови, смешанный с горьким ароматом весенних трав. Казаки, уставшие от схватки, молча, собирали своих павших товарищей, их лица были мрачны и задумчивы. Атаман, суровый и невозмутимый, отдавал последние распоряжения, его голос звучал глухо и отрывисто. Андрей же, сжимая в руке маленькую, дрожащую ручку племянника, чувствовал, как внутри него борются горечь утраты и решимость защитить оставшуюся родню. Он

взглянул на Тимоху. Мальчик, ещё не осознавая всей глубины произошедшего, прижимался к нему, его маленькое личико было испачкано слезами и пылью. Андрей почувствовал, как в нем пробуждается отцовский инстинкт. Он должен был стать для этого ребенка опорой, защитой, всем тем, кем был для него Демьян.

- Не бойся, Тимоха, – тихо прошептал Андрей, крепче обнимая мальчика. – Мы поедem к нашим. Там тебе будет хорошо.

Он поднял глаза на атамана, который уже готовился отбыть. - Ваше превосходительство, – снова обратился он к атаману, его голос звучал тверже, чем раньше. – Я понимаю вашу заботу. Но я сам воспитаю его. Я научу его всему, что знаю сам. Он будет честным человеком, клянусь вам.

Атаман остановился, обернулся. В его глазах мелькнуло понимание. Он видел перед собой не просто казака, а человека, несущего на своих плечах тяжесть утраты и ответственность за будущее.

- Хорошо, – сказал он, его голос стал мягче. – Я верю тебе, казак.

Андрей низко поклонился. - Благодарю вас, ваше превосходительство! Я не подведу!

Он повернулся к Тимохе, и вместе они пошли прочь от опустевшего села, прочь от места, где оборвалась жизнь его брата. Впереди их ждал долгий путь.

Август 2013 года

Белоруссия

Воздух был густым и теплым, пропитанным ароматом скошенной травы и спелых яблок. Дорога, петляющая между золотистыми полями и темными полосами леса, казалась бесконечной.

Багряный закат окрасил дорогу, освещая одинокую фигуру женщины, идущей босиком. Белый брючный костюм резко контрастировал с сельским пейзажем, выдавая в ней чужеродный элемент.

"-И зачем я только не позвонила? Решила сама дойти, подышать воздухом," – корила себя Маргарита Валентиновна Димитрова. Ей было тридцать пять, она была разведена, воспитывала двоих сыновей, работала переводчиком и деканом факультета иностранных языков Белорусского университета.

Внезапно тишину нарушил звук приближающейся машины. Маргарита обернулась. Автомобиль замедлил ход и остановился рядом. За рулем сидел мужчина лет пятидесяти пяти, в белой рубашке. Его узкие черные глаза с любопытством смотрели на неё.

– Добрый вечер!

– Добрый!

– Не подскажете, где находится деревня Р...я?

– Совсем недалеко, я как раз туда иду!

– Могу вас подвезти.

– Это было бы замечательно! – с облегчением выдохнула Маргарита. – А вы к кому?

– Я хотел бы увидеть родных или, возможно, самого Григория Димитрова. – Мужчина, явно иностранец, но говорил по-русски безупречно.

– Это мой дед!

– Какая удивительная случайность! – обрадовался мужчина. – Меня зовут Акихиро Судзуки...

1945 год -8 по 29 августа

Япония, приморский

городок Х....а

Спать не хотелось тайи (капитан) Изаму Судзуки вышел на улицу, в доте было душно, и ощущать на себе столько килограммов камней и бетона не хотелось. Последние лучи скользнули по его худому, бледному лицу ему было лет 25. Он отвернулся от дороги и посмотрел на спрятавшийся под горой и омываемый морем небольшой городок. Там среди этих огоньков стоит и его дом и ждет его молодая жена Кохэка, первый раз он её увидел после свадьбы, и скоро должен родиться у них ребенок... Он сжал медальон, одетый женой, она, молча, подняла на него глаза и полонила, провожая его..

– Господин Капитан – Перед ним появился солдат и поклонился – Вас вызывают.

Изаму подошел к аппарату и сразу узнал полковника –

Война началась, с СССР, в вашу сторону идут войска, вы должны их допустить...- Что дальше хотел сказать полковник, Изаму не слушал, связь оборвалась. Связь оборвалась, но слова полковника эхом отдавались в голове Изаму. "Война началась. С СССР. Ваши войска должны их допустить." Допустить? Как можно допустить врага, когда твой дом, твоя жена, твой будущий ребенок находятся там, внизу, под защитой этих стен, которые сейчас казались такими хрупкими?

Он снова посмотрел на городок. Огоньки, которые ещё минуту назад казались символом уюта и спокойствия, теперь приобрели зловещий оттенок. Каждый огонек – это чья-то жизнь, чья-то надежда. И он, Изаму Судзуки, капитан, должен был открыть ворота, впустить тех, кто пришел их разрушить.

Внутри дота стало еще душнее. Тяжесть камня и бетона давила не только физически, но и морально. Он чувствовал себя запертым, беспомощным. Медальон на шее казался раскалённым. Кохэка. Её глаза, полные молчаливой мольбы, когда он уходил. Он обещал вернуться. Обещал увидеть, как она держит их ребенка.

"Допустить..." Это слово было как удар. Как он мог объяснить это Кохэке? Как он мог смотреть в глаза своим солдатам, когда они будут выполнять этот приказ?

Через час серой вереницей появились на дороге танки, их гусеницы вгрызались в пыльную землю, оставляя глубо-

кие борозды. Трое суток не могли пробиться танкисты через кинжальный огонь, что бил из этого проклятого дота. Пехота, прижатая к земле, не могла ничего сделать, лишь беспомощно наблюдать, как их товарищи падают под смертоносным огнем.

Майор, сжал кулаки, глядя на карту. Его лицо было изморожено усталостью и гневом.

– Димитров, – обратился он к старшему лейтенанту, – ваша задача – захватить этот дот и заставить замолчать эту проклятую пушку. Корабли не могут подойти к берегу, там одни скалы, и как они вообще тут плавают, я не понимаю. Задача ясна, свободен.

Григорий отдав честь, сжав зубы, выскочил из машины. В голове его царил хаос. Как он должен был справиться с этой каменной горой? Вырыть ход под ней и взорвать? Это казалось безумием.

– Старлей! – К нему подскочил один из солдат, запыхавшийся и взволнованный. – Там монахи сидят! – Он показал на небольшой буддийский монастырь, прилепившийся к склону холма, на котором возвышался дот. – Наши ребята там немного походили, там ход какой-то есть.

У Димитрова мелькнула искра надежды.

– Вы его осмотрели? – спросил он, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее.

– Да, он к нашей горке то и идет! – подтвердил солдат, его глаза горели предвкушением.

– Собирай людей, человек десять не больше, и гранат побольше! – приказал Димитров, уже чувствуя, как план начинает обретать форму.

Через пять минут, в полумраке монастырского подвала, группа солдат, ведомая Димитровым, начала проникать в ход. Воздух был спертым, тяжелым, пропитанным запахом сырости и чего-то еще, непонятного. Ход то сужался, то расширялся, заставляя их ползти на четвереньках, а затем выпрямляться в полный рост. Было душно, пот заливал глаза, но они шли вперед, ведомые лишь надеждой и приказом.

Когда они дошли до какой-то двери, из-за нее доносились странные звуки: что-то хрипело, звенело и ревело, словно из преисподней. Солдаты переглянулись, их лица были напряжены. С трудом, упираясь плечами, они открыли дверь.

И замерли в изумлении.

Перед ними была не оружейная комната, не склад боеприпасов. Это была огромная, гудящая машина. По широкой, металлической ленте, медленно, но неумолимо, поднимались вверх снаряды. Огромные, блестящие, словно зубы гигантского дракона, они двигались к своей цели, к тем, кто пытался прорваться сквозь оборону. Это был не просто дот, это был живой организм, питающийся смертью. И теперь Димитров знал, как заставить его замолчать.

– Транспортёр, – прошептал Димитров, его голос был полон благоговения и ужаса. – Они не просто стреляют, они... кормят эту пушку.

Солдаты, пришедшие с ним, тоже застыли, их глаза расширились от недоумения и страха. Звуки, которые они слышали, теперь обрели смысл – это был гул механизмов, лязг металла, шипение гидравлики.

– Значит, чтобы остановить пушку, нужно остановить эту ленту, – сказал Димитров, его взгляд стал решительным. Он огляделся, оценивая обстановку. Помещение было огромным, освещенным тусклыми лампами, отбрасывающими длинные тени. Вдоль стен тянулись трубы и кабели, а в центре возвышалась сама транспортная лента, уходящая куда-то вверх, в темноту.

– Петров, ты с двумя бойцами остаешься здесь, у двери. Никого не пускать, никого не выпускать. Если что, прикрывайте отход. Остальные – за мной.

Димитров, взяв с собой самых опытных бойцов, двинулся вперед, стараясь ступать как можно тише. Они шли вдоль ленты, пытаясь найти ее источник или, по крайней мере, место, где можно было бы ее повредить. Воздух становился все более горячим, и запах смазки смешивался с едким запахом пороха.

Внезапно, из-за поворота ленты, они увидели его. Огромный, вращающийся механизм, который приводил в движение всю эту адскую машину. Он был защищен толстой броней, но Димитров заметил небольшую щель, через которую пробивался свет.

-Вот какие караси!- Ошалел, Роман одессит, он мог часа-

ми рассказывать о своей Одессе маме, чем не раз скрашивал долгие часы ожидания.

– Гранаты, – скомандовал Григорий. – Две гранаты туда, в щель. Быстро!

Два солдата, не колеблясь, бросились вперед. Они метнули гранаты с такой точностью, что те упали точно в цель. Раздался оглушительный взрыв, за которым последовал треск рвущегося металла. Транспортная лента задержалась, остановилась, а затем с грохотом рухнула вниз, увлекая за собой снаряды.

Гул в доте стих. Звук хрипа, звона и рева сменился тишиной, нарушаемой лишь отдаленным эхом взрыва.

– Получилось, – выдохнул Димитров, чувствуя, как напряжение покидает его тело. – Пушка замолчала.

Они быстро вернулись к двери, где их ждал Петров.

– Все чисто, старлей, – доложил он. – Никто не вышел.

– Отлично. Теперь назад, к своим. И пусть знают, что этот дот больше не будет стрелять.

– А давайте им сюрприз преподнесем! – Гриша сорвал чеку с гранаты и положил ее на транспортирную ленту. – Назад, – Они выскочили из зала и бросились дальше по ходу, и тут же раздался взрыв, потом еще и еще. Гришу ударило взрывной волной, и он ударился о дверь, она распахнулась и он оказался лежащим в каком-то помещении, с трудом разлепил глаза, вначале он различил какой-то силуэт, а потом увидел и пушку, попытался подняться, но на него с диким криком

накинулся кто – то, он с трудом что – то видел. Когда увидел неясную тень человека, она явно хотела его убить, ибо в поднятой руке блеснул меч, Гриша успел уклониться, сабля полоснула его по щеке.

– Ах, ты сволочь!- Взревел Гриша не хуже медведя и бросился на него, человек не удержался на ногах и полетел на землю. Ударив его несколько раз по лицу, Гриша, хватая ртом, воздух упал на землю, голова раскалывалась и дико тошнило. Он с трудом приподнялся, сквозь бойницу он увидел маленькие, словно игрушечные танки и рядом бегающих муравьев. Задание он выполнил, он оглянулся на стон и увидел, как японец пытается встать и тянется за саблей.

– Да, что же ты такой неугомонный! – Гриша с трудом встал и откинул саблю в сторону.

Но неожиданно японец схватил его за ноги и рванул на себя, Гришу рухнул на спину, чудом не ударился головой о камень, на доли секунды у него помутилось в глазах, а японец был уже у него на груди и схватил его за горло. Хоть он и весил меньше Гриши, но был силен. Григорий с трудом толкнул его с себя и уже схватил его за горло, когда увидел медальон на шее, его словно отбросило током, он уже панически боялся медальонов. Он с трудом поднялся и вытащил пистолет – Оне де лате (руки вверх)

Но японец, кажется, его не понимал, он, хрипя от боли, схватил болванку от снаряда и бросил её в Гришу, он успел отклониться и выстрелил. Японец охнул и рухнул на коле-

ни, зажимая плечо рукой. – Ну, я же говорил оне де ла-те!- Прохрипел Гриша и увидел бешенные от боли и ярости глаза японца, он не остановится, но тут в дверь вломились несколько солдат и Гриша упал на пол, сил стоять уже не было. Он сидел на полу и смотрел, как уводят японца, а его уже перевязывали, он не заметил, но сабля ещё прошлась по руке, с трудом встал, поднял саблю и вышел на воздух, но кажется, ноги его перестали держать и он рухнул на землю. Его отнесли к санитарной машине.

– Ничего контузия скоро оклемаешься!- Похлопал его по плечу врач.

Через час Гриша был в не состоянии просто лежать, голова чуть перестала болеть, а к тому же его нашли его ребята. Роман с перевязанной рукой в другой держал меч.- Во старлей, ваш трофей, мне доктор запретил вначале вам его отдавать, а сейчас отдаю.

– Ну и где нас разместили? – Поинтересовался Гриша

– Да вон дом рядом с площадью!- Показал Роман

Гриша остановился на площади, на ней сидя на коленях, сидели пленные. Он вдруг увидел того японца, он сидел словно статуя, смотря в одну точку. А напротив, стояли женщины, их не подпускала охрана, кто – то плакал. Но Гриша увидел её, сидевшую на коленях, напротив этого офицера он уже понял, что это офицер. И с мукой в глазах смотрела на него. Неожиданно она вскрикнула и схватилась за живот. Гриша увидел, как офицер поддался вперед, но тут же вер-

нулся обратно, с тем же непроницаемым лицом. Женщина рожала. Гриша подскочил к ней и, борясь с дурнотой, поднял её и отнес в тот дом, который заняли его ребята. Он послал ребят за врачом, но пришла маленькая и верткая Танюша. Через час уже во всю голосил мальчик.

Август 2013 года

Белоруссия

Солнце клонилось к закату, раскрашивая небо в персиковые и малиновые тона. Тихий шелест шин по асфальту смешивался с неторопливым голосом водителя.

- Моего отца отправили в Иркутск, - начал он, и его голос стал чуть глубже, словно погружаясь в воспоминания. - Он пробыл там пятнадцать долгих лет. Только в шестьдесят третьем году вернулся на Родину. Хотя всех отпустили в 56 году.

- А зачем вам мой дед? - спросила Маргарита.

- Я должен ему отдать его! - Акихиро кивнул на заднее сиденье. Маргарита обернулась. На сиденье лежал чёрный самурайский меч с позолотой.

- Вы хорошо говорите по-русски! - Улыбнулась она.

Акихиро засмеялся: - В моей крови смешались русские, японские и бурятские корни. — Он посмотрел на ошарашенное лицо женщины. - О! Вы удивлены! Но история вашего деда, его жены и друзей тоже вызывает удивление.

- Вы знаете? - Удивилась Маргарита.

Акихиро снова засмеялся. - Ваш дед, сам того не подозревая, что мой отец знает русский, всё ему рассказал. Он приказал его привести, чтобы сообщить, что как военнопленного его отправляют в СССР, и даёт ему время попрощаться с семьёй. А потом, -Акихиро снова улыбнулся с грустью, - Григорий рассказывал свою историю.- Он помолчал и вдруг повернулся к Маргарите.- А хотите, я расскажу историю моей семьи?- Спросил он, и его глаза заблестели.

Конец декабря 2025г.

Москва

Квартира «Ветра»

Маша устало потеряла виски. Уже несколько дней муж, не выходил на связь. Тревога сжимала грудь, и она, наконец, рухнула на стул, чувствуя, как силы покидают.

- Дочь, прекрати нервничать! - Из кухни вышел Анатолий Семёнович. Его спокойный голос, как всегда, пытался унять бурю в её душе.

- Пап! - Маша посмотрела на отца, в глазах её стояли слезы. - Я звонила Сураджу. Он говорит, чтобы я не беспокоилась, что в джунглях всегда так. Связь пропадает, и они не могут выйти на связь.

Анатолий Семёнович подошел, ласково улыбнулся и положил руку ей на плечо.- Верно, говорит. Зачем зря нервничать? Успокойся, возьми себя в руки!— Он улыбнулся и погладил её по голове. В этот момент из детской слышался

плач одного из близнецов. Маша тут же бросилась к детям. Сашу, её младший сын, его нужно было переодеть. Анатолий Семенович, наблюдая за внуком, смотрел на родимое пятно с семью родинками вокруг .

- Мда, смотрю на него и вся катавасия из-за него. Ведь из русского , бурятского и японского рода я, — пробормотал он, задумчиво глядя на мальчика.

Маша удивленно посмотрела на отца. Она никогда не слышала от него ничего о родственниках. Он словно запечатал все воспоминания, и даже фотографий, связанных с его прошлым, в квартире не было.

- Ты ничего не говорил! - Удивилась она, аккуратно переодевая сына.

- Ну, это давняя история. И каждый раз, как будто за руку возвращают обратно. Никого из моих детей нет его, а у твоих детей - ответил Анатолий Семёнович, его взгляд стал задумчивым.- Коля очень похож на своего отца.- Он замолчал, осознав, что проговорился.

Маша ошарашено смотрела на отца.- Что?- Прошептала она

Анатолий Семёнович вздохнул.- Это долгая история!- Пробормотал он.

- Не такая и долгая!- Раздался голос Катерины Ивановны. Она только пришла из магазина. Они решили переехать, что бы быть поближе к дочери. Пока « Ветер» в сельве, да и после годика на два пока мальчишки не пойдут в сад. - Твой дво-

юродный брат или кто он там по родству японец был в плену и попал в Иркутск. – Катерина Ивановна вошла в комнату, от неё пахло морозом, и как была в шубе, так и села за стол. – Это же он помог мне спасти Колю из плена, это он дал недостающие деньги, когда ты нос воротил от помощи родственника. – Она горько смотрела на мужа.

Анатолий Семёнович вздохнул тяжело. – Так он же его сын.

Катерина Ивановна презрительно скривила губы. – Не спорю, его сын, но ты дал слово никогда об этом не вспоминать. В ногах у меня валялся. – Она вдруг вздрогнула, и её лицо стало словно опустошенным. – Хотя мы оба с тобой натворили дел и наши дети расхлебывали. Как Коля, как Боря, как Маша.

Анатолий Семёнович подошел к жене. – Иногда мы делаем ошибки и эти ошибки потом возвращаются нам сторицей.

Катерина Ивановна поежилась, словно холод проник в квартиру. Она тяжело поднялась, сняла шубу и вернулась в коридор, повешала её, сняла сапоги и села на банкетку. – И твоя тётка в Тайне сказала, что нужно всё рассказать. Иначе так и будет тянуться за нами шепот Зам Одод.

- Это ещё что? – Удивилась Маша

- Полярная звезда! – Грустно улыбнулся Анатолий Семёнович – Так тофы называют её.

Саша, переодетый и успокоенный, тут же уснул. Маша осторожно уложила его в кроватку. – Пап, расскажи. Пожа-

луйста.- Попросила она, присаживаясь рядом с отцом.

Анатолий Семёнович грустно улыбнулся, его глаза заблестели от сдерживаемых слёз.- Хорошо. В 1661 году, - начал он, и в его голосе появилась какая-то особая, древняя мелодия, - казак Андрей и дочь шамана Даруня полюбили друг друга.

Российская Империя

1641 год

хутор Гнутов Есауловской станицы

Утро десятого июня 1641 года выдалось солнечным и полетному жарким. Природа благоухала, в степи мирно звенели цикады, стаи птиц кружились над притихшей, словно перед грозой, степью и даже Днепр, обычно полноводный и прохладный, казался ленивым и теплым. В станице, где жил казак Иван, все, предвкушая вечернюю прохладу, которая, по приметам, должна была принести с собой грозу.

Иван, крепкий, широкоплечий мужчина с выгоревшими на солнце усами, ходил по двору, как на иголках. Пелагея, уже несколько часов мучилась родами. Из хаты доносились стоны, перемежающиеся с приглушенными голосами повитухи. Иван молился, сжимая в кулаке нательный крест, и просил Бога о милости. Рядом с ним крутя в земле дырку, большим пальцем ноги стоял его старший трехлетний сын Демьян

Когда солнце начало клониться к закату, небо на западе

потемнело, наливаясь свинцовой синевой. Подул резкий ветер, поднимая столбы пыли, и в воздухе запахло озоном. В этот самый момент из хаты раздался пронзительный крик младенца.

— Сын! — выдохнула повитуха, выходя на крыльцо. — Андрей!

Иван бросился в хату. Пелагея, бледная, но счастливая, держала на руках крошечный сверток. В нем, завернутый в белую пеленку, лежал малыш. Мальчик был краснощекий, с темными волосами, и уже сейчас, в первые минуты жизни, казался удивительно сильным.

Над станицей разразилась гроза. Молнии сверкали, озаряя небо, гром раскатывался, сотрясая землю. Дождь хлынул стеной, смывая пыль и принося долгожданную прохладу. Казалось, сама природа праздновала рождение Андрея.

Через несколько дней, когда Пелагея окрепла, пришло время крещения. Вся станица собралась в небольшой деревянной церкви. Батюшка, старец с длинной седой бородой и добрыми глазами, начал обряд. Он читал молитвы, окунал младенца в купель, и все шло своим чередом.

Но когда батюшка, держа Андрея на руках, произносил последние слова молитвы, произошло нечто невероятное. Внезапно, без видимой причины, его риза, расшитая золотыми нитями, вспыхнула ярким пламенем. Огонь мгновенно охватил ткань, и батюшка, вскрикнув от неожиданности, выпустил младенца из рук.

Иван успел подхватить сына, прежде чем тот упал на пол. В церкви поднялся переполох. Люди бросились тушить огонь, который, к счастью, быстро погас, не причинив батюшке серьезных ожогов.

Но старец был потрясен. Его лицо побледнело, глаза расширились от ужаса. Он посмотрел на Андрея, которого Иван крепко прижимал к груди, и его голос, обычно спокойный и размеренный, прозвучал пророчески:— Этот мальчик... он веру сожжет! Он принесет смуту и разрушение!

Слова батюшки эхом разнеслись по церкви, повергая всех в шок. Иван, держа сына, почувствовал, как по его спине пробежал холодок. Он посмотрел на Андрея, который, казалось, спал безмятежно, не ведая о пророчестве.

С того дня жизнь Ивана изменилась. Слова батюшки глубоко засели в его душе, отравляя радость отцовства. Он стал смотреть на Андрея с опаской, пытаясь разглядеть в нем признаки будущего разрушителя.

Иван начал растить сына с необычайной строгостью. Он учил его молиться, поститься, соблюдать все церковные обряды. Он запрещал ему играть с другими детьми, если те были слишком вольнодумны, и наказывал за малейшее проявление непослушания. Он хотел выбить из Андрея любую искру, которая могла бы разжечь огонь, предсказанный батюшкой.

Андрей рос крепким и умным мальчиком, но в его глазах всегда читалась какая-то печаль. Он чувствовал на себе

тяжесть отцовского взгляда, ощущал невысказанный страх, который окружал его с самого рождения. Он не понимал, почему отец так суров с ним, почему он так боится его.

Иван же, глядя на сына, каждый раз вспоминал тот жаркий летний день, грозу, вспыхнувшую ризу и пророческие слова батюшки. Он не знал, что ждет Андрея в будущем, но был готов сделать все, чтобы его сын не стал тем, кто "сожжет веру".

Он не знал, что ждет Андрея в будущем, но был готов сделать все, чтобы его сын не стал тем, кто "сожжет веру". Он видел в каждом его шаге, в каждом слове потенциальную угрозу, и эта постоянная бдительность истощала его самого.

Андрей, в свою очередь, рос с ощущением невидимой стены между собой и отцом. Он любил Ивана, но не мог понять его постоянного напряжения, его взгляда, полного тревоги. Он старался быть послушным, но его природная любознательность и тяга к знаниям часто сталкивались с жесткими рамками, установленными отцом. Он любил слушать истории старых казаков, их рассказы о походах, о воле степной, и в этих рассказах находил отголоски чего-то, что казалось ему близким и настоящим, в отличие от строгих наставлений отца.

В три года отец преподнес Андрею шашку. Мальчик помнил этот день, как будто он случился вчера. Солнце щедро заливало двор казачьей хаты, играя бликами на начищенной до блеска шашке отца. Ему было всего три года, и он еще не

до конца понимал, что происходит, но чувствовал важность момента. Отец, держал его на руках.- Смотри, сынок, – про-рокотал Иван Петрович, – вот это – казачья шашка. Она будет твоей верной подругой, когда ты вырастешь. Но пока она ещё велика для тебя.

В этот день у Андрея прорезался первый зуб. Это было событие, которое отмечали в их роду с особым трепетом. Отец, как и положено, опоясал малыша своей шашкой, осторожно, чтобы не поранить, и усадил на своего верного коня Тумана. Андрей крепко вцепился в гриву, чувствуя мощь и тепло животного. Туман, казалось, понимал, что происходит, и стоял смирно, лишь тихонько фыркая.

-Бери казака! – Сказал Иван Петрович, передавая сына матери, Пелагее. В её глазах светилась гордость и нежность.

На зубок Андрею подарили не просто игрушку. Это был маленький, искусно вырезанный из дерева лук и колчан со стрелами, наконечники которых были тупыми, чтобы не поранить малыша. Отец объяснил: -Ты будешь казаком и они помогут тебе.

Пелагея улыбалась, смотря на своих детей. Демьян почему то стал отдаляться от неё, да и от отца то же , стал хмур , да невесел. – Как бы старшой не заболел! – Поделилась она с подругой когда стирала белье на реке.

- А ты сходи к бабке Марье, она и совет и травки какой даст.- Посоветовала Аннушка.

- Дело говоришь!- Обрадовалась Пелагея, вытирая пот со

лба. – Вот закончу так и сразу пойду.

Отполоскав белье, она закинула его в корзину и, кликнув Демьяна, поспешила домой, быстро развесив белье. Она поправила косынку и нырнула погреб, достала сливок и хлеба и поспешила к бабке Марье жившей не вдалеке от станицы.

Уже подходя к небольшому , заросшему подсолнуху домику женщина заробела и остановилась, но хозяйка уже вышла на крыльцо. – Ну и чего стоишь, заходи!- Буркнула старуха, она была маленькая , сухонькая, её глаза когда то карие потускнели , а седые волосы выбивались из-под платка. Она чуть постояла и вернулась в хату.

Но Демьян набычился, вдруг заревел так, что напуганная женщина, подхватив сына, бросилась обратно домой.

Демьян возился с братом, помогал, матери и отцу, прекрасно ездил на лошади и уже умел обращаться как с саблей, так и плеткой. Андрей очень любил старшего брата и пытался повторять все за ним. Но тот периодически его одергивал. И словно боялся иногда даже замахивался, но тут же остывал и куда –то убегал. Это было очень странно, Пелагея порывалась вновь пойти к Марье, но каждый раз ноги возвращали её домой.

Так Андрею исполнилось шесть. Он уже уверенно держался в седле, хотя и не так лихо, как его отец. Сегодня был день его первого настоящего испытания. На главной площади станицы, на майдане, собрались все казаки рода, а во главе с атаманом. Сердце Андрея колотилось от волнения.

-Ну, сынок, покажи, на что ты способен! – Подбодрил его отец, усаживая на молодого, но уже крепкого жеребца.

Андрей почувствовал, как его руки немного дрожат, но он вспомнил слова отца: «Упал – казаком не стал». Он крепко сжал поводья и дал команду жеребцу. Конь рванул вперед, и Андрей, забыв о страхе, почувствовал, как ветер треплет его чуб. Он держался в седле, несмотря на резкие повороты и скачки. Когда жеребец остановился, Андрей, немного шатаясь, но, не упав, спрыгнул на землю.

Атаман, улыбаясь, подошел к нему и повязал на руку алую ленту с вышитой тамгой их рода. -Вот ты и казаченок. – сказал он. И обнял его крепко, и в его глазах Андрей увидел не только гордость, но и надежду.

С этого дня жизнь Андрея наполнилась новыми заботами и умениями. Игры во дворе превратились в настоящие тренировки. Он учился обращаться с лошадьми, как с живыми существами, чувствовать их настроение. С пяти лет он уже скакал верхом, играл в «нападение» и «оборону», учился метко стрелять из лука, целясь в мишени, которые отец сам вырезал из дерева.

Когда Андрею исполнилось четырнадцать, начался новый этап. Подростковая инициация. Это были уже не просто игры. Группа парней, включая Андрея, разбилась на две команды. Им выдали камышовые пики и лубочные сабли. Задача была – построить «укрепление» из веток и травы, а затем захватить знамя противника. Андрей чувствовал азарт

и напряжение. Он бегал, уворачивался, пытался прорваться сквозь оборону соперников. Были и падения, и синяки, но никто не сдавался. В воздухе витал дух соперничества, смешанный с шутками и подбадриваниями. Бумажные шапки слетали, знамена трепались на ветру, а победные марши под дудки и трещотки звучали как настоящая боевая музыка. Андрей понял, что эти потешные бои – не просто развлечение, а настоящая школа выдержки и тактики.

Наконец, наступил возраст, когда Андрея стали считать «малолеткой» – семнадцать лет. Он уже был крепким юношей, готовым к настоящим испытаниям. Первым делом его отправили в летний военный лагерь. Там, под палящим солнцем, он учился маршировать, владеть настоящим ружьем, метать ножи и, самое главное, поднимать монету на скаку. Это было самое сложное. Лошадь неслась галопом, а нужно было, не теряя равновесия, наклониться и поднять с земли мелкую монету. Андрей падал, сбивал колени, но упорно тренировался. Он видел, как другие парни сдаются, но его отец, всегда говорил: Казак не тот, кто не падает, а тот, кто поднимается. И Андрей поднимался. Он чувствовал, как его тело становится сильнее, а дух – крепче.

После лагеря наступил самый ответственный момент – принятие в казаки. Это было не просто формальное событие, а настоящее посвящение. Андрей стоял перед казачьим кругом, в центре которого горел костер. Его отец, Иван Петрович, и другие старейшины рода внимательно смотрели на

него. Атаман задавал вопросы о чести, долге, верности казачьему братству. Андрей отвечал твердым голосом, чувствуя, как его сердце бьется в унисон с ритмом казачьей песни. Затем ему вручили настоящую казачью шашку, уже не игрушечную, а ту, что он видел на поясе отца с самого детства. Он почувствовал ее вес, ее холодную сталь. Это был символ его новой жизни, его ответственности. Он присягнул на верность, и в этот момент Андрей понял, что он больше не мальчик, а настоящий казак, готовый защищать свою землю и свой народ.

Дон разливался, играя бликами на казачьих саблях, а в станице, царила тревога. Не из-за набегов татар или разбойников, а из-за старшего сына Ивана, Демьяна. С каждым годом он становился всё больше хмурым, словно туча, нависшая над степью. Отдалялся от родных, избегал шумных застолий, где звенели кубки и лились песни. В 18 лет, когда другие парни уже выбирали невест и мечтали о славных походах, Демьян сел на коня и уехал. Куда – не сказал. Просто исчез, оставив за собой лишь пыль на дороге и немой вопрос в глазах матери.

Иван только пожал плечами. Что с ним поделаешь? Степь широка, воля казачья безгранична. Все его мысли были о младшем сыне, Андрее, и словах священника, что тот произнес на крещении..

Прошло три года. Дон по-прежнему разливался, жизнь в

станции текла своим чередом. Уже и невеста подрастала – Катерина, дядьки Игната дочь, друга и военного побратима Ивана. Девушка была что надо: конопатая, с черной, как вороново крыло, косой, которая доставала до пояса. Глаза – озорные, смешливые, а характер – кремень. Самая настоящая казачка, готовая и коня на скаку остановить, и в горящую избу войти. Все в станице знали, что Катерина – пара Андрею. Игнат с Иваном уже давно договорились о свадьбе, ждали только, когда Андрей созреет.

Но Андрей, словно не замечал Катерину. Он видел её, как подругу в детских играх и посиделках. Катерина же, хоть и старалась не показывать виду, страдала. Она видела, как Андрей избегает её взгляда, как уходит в себя, когда она пытается заговорить. Она слышала шепот станичниц, которые говорили, что Андрей не такой, как все, что в нем есть что-то странное, что-то, что не даёт ему быть счастливым.

Однажды, когда Катерина возвращалась с речки, где полоскала белье, она увидела Андрея, сидящего на берегу. Он смотрел на воду, и в его глазах была такая тоска, что сердце Катерины сжалось. Она подошла к нему, села рядом, не говоря ни слова. Андрей не сразу заметил её присутствие. Когда же он поднял голову, его взгляд был полон боли.

-Что с тобой, Андрей? – Тихо спросила Катерина.

Андрей отвернулся. -Ничего, Катерина. Просто мысли одолевают.

-Мысли?

Он долго молчал, а потом, словно решившись, произнес: -О Демьяне. О том, куда он уехал. И о том, что я, возможно, пойду по его стопам.

Катерина вздрогнула. -Что ты такое говоришь? Ты же не такой, как он!

-А откуда ты знаешь? – Горько усмехнулся Андрей. -Может, во мне тоже сидит эта... эта тоска, которая гонит прочь от дома, от родных, от всего, что должно быть дорого.

-Но почему? – Катерина не могла понять. -У тебя же есть все! Отец, мать, станица, я...

Андрей посмотрел на нее, и в его глазах мелькнула какая-то странная, почти безумная искра. -Ты не понимаешь, Катерина. Есть вещи, которые сильнее нас. Есть судьба, от которой не убежишь-.

Катерина почувствовала, как по её спине пробежал холодок. Она не знала, что ответить. Слова Андрея были полны какой-то мрачной, непонятной ей силы. Она видела, что он не шутит, что он действительно верит в то, что говорит. И в этот момент Катерина поняла, что Андрей – это не просто парень, которого ей прочили в мужа. Он был загадкой, которую ей предстояло разгадать, если она хотела спасти его от той тени, что нависла над ним, как когда-то над Демьяном.

Она встала, не отводя от него взгляда. На ней было простое, но ладно скроенное казачье платье, вышитое по подолу и рукавам незатейливым узором, что подчеркивало её стать. Босые ноги, привычные к речной гальке и степной траве, ка-

зались продолжением земли. На голове, среди воронова крыла волос, красовался венок из полевых цветов – ромашек, васильков и алых маков, который она сплела с особой тщательностью, надеясь хоть так привлечь его внимание. А на шее, поверх платья, лежали самые красивые бусы, что она тайком взяла у матери – янтарные, с вкраплениями бирюзы, они мерцали на солнце, словно маленькие огоньки. Мать только махнула рукой, дочь даже стирать ходила нарядившись. - Я не понимаю, Андрей, но я хочу понять. Я не отступлюсь от тебя, что бы ни случилось. – Голос её звучал твердо, несмотря на дрожь, что пробежала по телу. Она чувствовала, что стоит на пороге чего-то неизведанного, но отступать не собиралась. В её глазах, обычно озорных, сейчас горела решимость, та самая, что отличала настоящую казачку. Она была готова бороться за него, за их будущее, даже если это означало идти против неведомой силы, что тянула Андрея в бездну.

Андрей лишь покачал головой, его взгляд снова устремился вдаль, на медленно текущие воды Дона. Катерина почувствовала, как между ними пролегла невидимая стена, сотканная из его тайны и её решимости. Она знала, что путь к сердцу Андрея будет долгим и тернистым, но отступать не собиралась. В её жилах текла кровь казачки, а это значило – бороться до конца.

Но судьба все решила за них. Два дня спустя, когда солнце уже клонилось к закату, на горизонте показались всад-

ники. Гонцы. Их появление всегда означало что-то важное, что-то, что могло изменить привычный ход вещей. Казаки, оставив свои дела, собрались на площади.

Гонцы, запыхавшиеся и уставшие, спешили. Один из них, высокий и крепкий мужчина с глазами голубыми, что небо, достал из-за пазухи свиток и развернул его. В наступившей тишине его голос прозвучал громко и отчетливо: - Царь Алексей Михайлович повелевает: собрать отряд из казаков и отправиться в Сибирь, дабы основать новый острог на берегу великой реки, укрепить русские земли и приумножить славу Отечества. Кто из вас, храбрые воины, решится идти в Сибирь?

Повисла тишина. Сибирь... Это слово звучало как вызов. Многие казаки, уже не раз бывавшие в походах, знали, что их ждет: суровый климат, дикие звери, враждебные племена. Андрей, не раздумывая, шагнул вперед. Его сердце колотилось от волнения, но в глазах горел огонь решимости. - Я пойду! – Громко произнес он.

И вот, в 1660 году, под предводительством Якова Пахабова, отряд казаков отправился в путь. Долгий и трудный путь лежал перед ними. Они шли по бескрайним степям, пересекали бурные реки, пробирались сквозь густые леса. Но ничто не могло остановить их.

Наконец, после многих недель пути, они достигли своей цели. На берегу огромной реки, там, где Ангара впадала в Енисей, стали строить новый острог. Дерево за деревом,

бревенно за бревном, поднимались стены будущего города. Казаки работали не покладая рук, зная, что от их труда зависит будущее.

Андрей, как и другие, рубил лес, таскал бревна, строил избы. Он чувствовал себя частью чего-то великого, чего-то, что останется в истории. Он знал, что его судьба, как и судьба многих других, была решена. И он был готов принять этот вызов, готов строить новую жизнь на этой суровой, но прекрасной земле.

Так, на берегу огромной реки, в самом сердце Сибири, начал свою историю Иркутск – город, который станет одним из важнейших форпостов России на Востоке.

Конец декабря 2025г.

Москва

Квартира «Ветра»

Маша ошарашено смотрела на задумавшегося отца .- Ты помнишь всё , что тебе рассказывали?

Анатолий Семёнович кивнул. – Да, вот так Андрей попал в Сибирь и познакомился Даруней.

- А что дальше? -Пробормотала Маша

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.